Глава 297: Сумеречный эльф

Главный тюремщик, Грекелор, попытался выглядеть внушительно.

“Вино - моё. Эльфийка - твоя.”

Шэянь молча усмехнулся, упрямо отвернувшись и вылив содержимое чашки с вином в свой рот. Глаза Грекелора наполнились отчаянием, он сотрясал железными прутьями камеры и неистово кричал:

“Пить! Нет!!! Постой!”

Наконец, Шэянь успешно пришёл к согласию с орками, используя жесты. За 9 чашек “Бесконечной Бодрящей Водки” и освобождение их от заклятия, эльфийку Мелоди переведут к ним. Да, Шэянь сумел обдурить их и отдал лишь 9 чашек.

И всё же, главный тюремщик Грекелор был сильно обеспокоен приказами свыше; сделав акцент на том, что эльфийка не должна делать что-либо против воли, чтобы потом не покончила с собой. Хоть он, будучи мужчиной, и сам понимал, как страстно Шэяню хочется сношаться, ни о каком переводе в их камеру не может быть и речи, если эльфийка того не пожелает.

Риф взглянул на Шэяня, используя свой кошмарный отпечаток, чтобы передать сообщение.

“Нам бежать отсюда?”

Шэянь слегка потряс головой.

“Эти орки должны быть лишь первой линией обороны, им отводятся лишь простые обязанности, вроде кормёжки и наблюдения за заключёнными. Думаю, снаружи нас ждёт устрашающая линия обороны из урук-хаев. Если мы побежим на выход прямо сейчас, то боюсь, наше путешествие по Властелину Колец подойдёт к концу. Нам нельзя.”

Риф кивнул, признав правоту Шэяня. Затем он наклонился к углу своей клетки и сел. Шэянь был всё больше уверен в своих суждениях. Даже в тюремной камере, Риф сел строго согласно правилам, его благородная и достойная осанка была неизменной. Несомненно, он давно приспособился к подобному стилю в мире настоящего.

Дверь в камеру эльфов отворилась. Грекелор как мог пытался жестами и сигналами объяснить всё встревоженной и напуганной эльфийке. Несчастная эльфийка отпрянула от него, очевидно игнорируя то, что хотел сказать ей Грекелор. Несколько других эльфов вступились за неё и поливали его оскорблениями. В этой тюрьме, их способности были здорово подавлены. Следовательно, они могли лишь проклинать орков - этих вонючих, грубых комков плоти. Спустя долгое время, главный тюремщик, Грекелор, снова стоял перед Шэянем. Он возбуждённо бранился.

“Врать ты. Эльф не хотеть. Сделка отменить.”

Шэянь презрительно усмехнулся, ответив:

“Приведи её сюда. я сам с ней поговорю.”

Сказав это, он снова залпом выпил водку, одурманивающий аромат наполнил ноздри

Грекелора. Затем он уставился глазами, всё ещё скрытыми под чёрной поязкой, на свои выпирающие мышцы, а затем на руки Шэяня - те были заметно меньше его рук, примено наполовину. Наконец он принял простое решение, в результате которого его ждала лишь сплошная выгода. Да и вообще, этот мелкий червяк Шэянь просто не мог представлять для него угрозу.

Разумеется, стоило в дело вступить Шэяню, он парой фраз сумел очаровать эльфийку. Хоть Мелоди и была застенчивой и робкой, она опустила голову и последовала за ним. Риф повернулся, удивлённо взглянув на них, затем снова погрузился в привычные размышления. Хоть камера и не была маленькой, просторной её тоже не назовёшь; лишь два окна впускали внутрь солнечный свет. Помимо них, камеру занимали два пленника-человека. Они были коварны и хитры; когда орки доставляли еду, они украли порции для Шэяня и Рифа. Однако Шэянь и Риф уже приготовили еду внутри межпространственной зоны, и не желали ругаться с ними из-за какой-то гнилой похлёбки орков. Однако те двое людей приняли их сознательное невежество за слабость!

Они смотрели, как Шэянь привёл к себе такую привлекательную, но робкую эльфийку внутрь своей камеры. Она была чита и свежа, как ручей. Затем они наблюдали, как орки-тюремщики собираются снаружи и жадно наслаждаются выпивкой. С хитрой улыбкой на лице, они приблизились поближе. Браконьер повыше сделал строгое и злобное предупреждение:

“Пацан, отдай нам эту эльфийку. Иначе сегодня ночью тебе перережут глотку!”

Шэянь выглядел как старший брат, зачёсывая набок неряшливые волосы сестре-эльфийке. Слова браконьера полностью пролетели мимо его ушей, а он продолжал в том же духе, не показывая ни намёка на беспокойство. Закипев от злобы, высокий браконьер бросился на него. Даже не обернувшись, Шэянь ударил ударом с разворота, случайно попав тому в грудь. 40 очков силы мгновенно отправили парня в полёт, и тот врезался в стену камеры позади него. Его лицевые мышцы подёргивались, а лицо сморщилось подобно креветке. Его кожа была мертвецки бледной, его без конца тошнило, но ничего не выходило наружу! Наверное, повредил несколько рёбер, его глаза были полны ужаса. Как он мог решиться на ответный удар?

Браконьер пониже с самого начала был чем-то обеспокоен; однако, увидев, как Шэянь силён безо всяких усилий, он тут же трусливо отступил в угол.

Вообще-то, им и вправду повезло встретить двух участников вроде Шэяня и Рифа. Обыск перед помещением в камеру для них был абсолютно бесполезен. Их экипировку скрывало измерение, и у них даже был кошмарный отпечаток, в котором хранились все их козырные карты. Как они могли потягаться с полностью экипированным Шэянем?

Мелоди относилась ко всем людям, кроме Шэяня, с холодной надменностью - с ним же она крайне сильно сблизилась. Вокруг неё была аура утончённости и учтивости, отваживающая людей за тысячу миль. Она полностью проигнорировала взрывную агрессию Шэяня, она всё равно что смотрела, как Шэянь убрал с дороги мешающий камень. После этого, она метнулась к окну, купаясь в лучах солнца.

Шэянь тихо стоял за ней. Запертая в тени несколько дней, Мелоди невинно наслаждалась солнечным светом. Эльфы были детьми природы и обладали способностью к очищению; пока Шэянь стоял за ней, необъяснимо освежающий аромат достиг его ноздрей. Это был тот же запах, что источала трава после дождя; успокаивая сердце и очищая разум.

Эльфийка купалась в солнечных лучах ещё какое-то время, её лицо прямо светилось. Внезапно она обернулась, сконцентрировалась и искренне спросила Шэяня:

“Ты видел, как меня травят мои собраты-эльфы, поэтому ты договорился, чтобы меня перевели сюда, да?”

Шэянь не был из тех, кто присваивал себе незаслуженные заслуги, он хотел отшутиться, но вдруг заметил, какие светлые у эльфийки глаза. Взгляд чистой невинности. А потому он кивнул головой.

Мелоди отвернула голову, гладя свои волосы, спокойно отвечая:

“Я не стану тебя благодарить. Ты защитник, избранный для моей церемонии взросления, это твоя обязанность.”

Шэянь тут же окаменел… Его губы запинались, но серде кричало:

“Не хочу быть защитником! Хочу быть зверем, который во всём свободен и бежит!!! Я тебе не вещь!!! Я лишь невинный прохожий!!!”

Кричащие мысли кружились на его языке, но под зорким наблюдением спокойной Мелоди ни одна не вырвалась наружу. Мелоди хихикнула, садясь на пол и обхватывая свои колени. Наклонив голову, она уставилась на Шэяня, её непорочность будто пыталась добраться до сердца и разума Шэяня.

Наблюдая за тем, как изумлён Шэянь, Мелоди невежливо приказала ему сесть позади неё, чтобы она воспользовалась им в качестве подушки. Удобно примостившись на него, она наконец закрыла глаза и начала напевать неизвестную эльфийскую песню.

В этот момент, Шэянь почувствовал лёгкое возмущение неподалёку. Он ясно видел, как солнечный свет, освещающий камеру через окно, слегка искажается; будто текущая река, попадающий внутрь тела Мелоди, прижавшуюся к его груди. Нежное тело эльфийки как сухая губка от всего сердца впитывало питающий её свет!

Со временем, тон Мелоди поменялся. Хоть они и сидели в грязной тюремной камере, её голос вливался в людские уши как чистая вода из ручья, полностью очищая их тела. Хоть Шэянь и не мог понять, о чём она поёт, он мог почуять свежий аромат, исходящий от неё. Слабая, но чистейшая радость возникла в его сердце; будто свет звёзд слился со светом солнца, оживляя его душу.

Эльфы в противоположной камере тут же подняли шум, громко крича повторяя слова “сумеречная гармония”. Даже некоторые из пожилых эльфов-старейшин расплакались, некоторые засмеялись в экстазе. Однако дистанция между клетками не дала им ни в чём убедиться. Мелоди игнорировала их, прислонившись к Шэяню и продолжая петь под теплом солнечных лучей.

Спустя долгое время, эльфам наконец разрешили войти во внутренний двор на свежий воздух. Как только они вышли из камеры, они тут же подошли к камере людей. Старейшина Човин крепко сжал прутья клетки, его бирюзовые вены проступили по рукам. Его голос был грубым и твёрдым, он стиснул зубы и осудил его:

“Человек! Отпусти сумеречного эльфа!!! Хватит осквернять её своим нечестивым телом!”

http://tl.rulate.ru/book/690/295509